

Воспоминания

И.К.Лабутина

«...Псков – любовь моя вечная»

Из письма Л.М. Марасиновой¹

Л.М.Марасинова

Лабутина И.К. – кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Псковского педуниверситета им.С.М.Кирова

Научный путь Людмилы Михайловны начался очень ярко: будучи аспирантом, она сделала замечательное открытие, взволновавшее историков. Это открытие, благодаря которому в науку были введены неизвестные псковские грамоты XIV-XV вв., определило направление научных интересов Людмилы Михайловны и особое, глубокое чувство к Пскову и его истории.

Этот период – в первой половине 60-х гг. – мы познакомились. У нас было много общего: небольшая разница в возрасте, истфак МГУ, где учились; наши дочери, родившиеся в одном – 1962 – году и позднее встретившиеся на том же истфаке; наконец, научные интересы. Главным, что нас подружило, стал Псков. Я сейчас не могу назвать точной даты наших первых встреч, но совершенно определенно, что это было время, когда мы обе были в аспирантуре: она – в МГУ (1961-1966 гг.), я – в Институте археологии (1959-1963 гг.). По-видимому, первая встреча была в 1961 или в начале 1962 г. Я помню только, что нашла меня Люмила Михайловна, узнав от общих знакомых, что есть аспирантка, приехавшая из Пскова и занимающаяся средневековым Псковом. Она тогда начала работу по теме диссертации, предложенной ее научным руководителем Анатолием Михайловичем Сахаровым. Тема, если не ошибаюсь, была связана с землевладением Пскова XVI в., и Марасинова была озабочена

проблемой источников, искала пути обнаружения земельной документации. Насколько помню, я тогда ничем не могла помочь в этом вопросе, но моей новой знакомой хотелось узнать о Пскове как можно больше, и я была рада, что могла быть ей полезной.

Вновь мы встретились года два спустя, в 1963 или 1964 году, когда я еще была в Москве. Помню, что это было в здании академических институтов на ул. Дмитрия Ульянова. Мы «мерили» коридоры и перекрестки Институтов археологии и истории и говорили... Как много нового и замечательного сообщила мне Люда. За это время она успела побывать в Пскове, познакомиться с Леонидом Алексеевичем Твороговым, но главное, главное – она нашла земельную документацию по Пскову XIV-XV вв.!

Зная, как она работала, я не могу считать эту находку случайностью. Она пришла в Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), имея надежду найти интересные ее источники, и проявила необыкновенную целеустремленность в своих поисках. Надежда основывалась на том факте, что немногие частные земельные акты, известные к началу работы, сохранились в виде копий, преимущественно в составе спорных земельных дел XVII в., происходивших из Псковской приказной палаты и изучавшихся историками и краеведами. Большая часть спорных земельных дел XVII в. по городу Пскову в составе фонда Поместного приказа ЦГАДА оставалась неизученной, хотя и получила общую характеристику разбиравшего их в начале XX в. Д.Я. Самоквасова. Этот исследователь отметил наличие в составе столбцов с делами копий земельных актов XV-XVII столетий, но содержанием их не занимался.²

Больших трудов стоило, как рассказывала сама Л.М. Марасинова, добиться доступа к интересующему ее материалу. Руководство архива, ссылаясь на работу Д.Я. Самоквасова над документами фонда, считало, что найти что-либо принципиально новое после описания, выполненного столь авторитетным исследователем, нереально. Но в заключении Д.Я. Самоквасова все же сохранилась констатация факта присутствия в псковских столбцах списков актов XV-XVI столетий, представлявших научную цен-

ность. Он же отмечал, что исследователи не обращались к этому материалу. Возможно, оппоненты опасались предоставлять молодому исследователю подлинные ценные документы, что и сейчас ограничивается архивными правилами.

Л.М. Марасинова была вооружена убедительным научным обоснованием своих намерений и проявила целеустремленность и настойчивость. И ей, наконец, предоставили возможность изучать столбцы. Люду ожидали месяцы работы, сплошной просмотр всех столбцов по Пскову с поместно-вотчинными делами. Столбцы, изучавшиеся ею в архиве, были расклеены и разложены по папкам. Таких папок-картонов было 423, и каждая содержала 300-350 листов. Объем огромный. А если ожидаемых материалов не встретится? Не знаю, одолевали ли ее подобные сомнения, подозреваю, что она настолько была захвачена работой, что желание выполнять ее и, конечно, надежда, были сильнее трудностей. Я не знаю (и корю себя, что не расспросила и нигде не записала), когда и как обнаружилась первая копия грамоты, в течение какого времени были найдены следующие. Тогда главное было: они есть! Кто первый узнал об этой находке: сотрудники архива, А.М. Сахаров, семья?

Ко времени нашей встречи в архиве были найдены все грамоты, вошедшие позднее в книгу Людмилы Михайловны. 29 из них оказались списками XVII в. с актов XIV-XV вв. Одна грамота XV в. сохранилась в подлиннике, что особенно удивительно. Это была написанная на пергамене Духовная Акилины, жены князя Федора, скрепленная свинцовой вислой печатью. Грамоту по каким-то причинам не вернули владельцу, и она, как и копии других грамот, оказалась в спорном деле XVII в. Результаты поиска подтвердили правильность выбора исследователя и увеличили число земельных актов по Пскову в несколько раз. Моя коллега была открыта, полна планов. Мне не были известны подробности ее архивной эпопеи, и я хотела «все знать». Это было счастливое время радостного сопереживания.

Об этом открытии, нарушая академическую сдержанность, с восторгом говорили

многие историки. Помню радость и восхищение В.Л. Янина. При всей взволнованности этим событием Л.М.Марасинова старалась собрать силы для публикации грамот. Автор будущей книги был молод, ему не было и тридцати лет. Но уже тогда она проявила себя серьезным исследователем. Об этом свидетельствовали не только история открытия ею псковских грамот, но и та огромная работа по введению этого драгоценного материала в науку, которая была выполнена ею в 1965-1966 гг. До середины 1964 г., когда я возвратилась в Псков, мы с ней встречались и беседовали в Москве, потом переписывались и виделись в Москве и Пскове, поэтому некоторые стороны и проблемы ее работы в этот период мне известны.

В Люде, какой я ее узнала тогда, удивительно сочетались романтическое, любовное отношение к своему материалу и здравомыслие, не позволявшее изменить объективности. О чем еще хочется вспомнить: о потребности и умении общаться с коллегами. В процессе поиска и во время подготовки грамот к публикации она консультировалась со многими историками, археологами, лингвистами. Помню, что встречалась с А.Н. Насоновым, Б.Б. Кафенгаузом, О.С. Мжельской,³ не говоря уже о тесном сотрудничестве с Л.А. Твороговым.⁴ Очень помог ей В.Л. Янин,⁵ подготовивший сфрагистический комментарий к актам. Всю жизнь она вспоминала о сотрудничестве с ним с благодарностью и теплом. И еще – ее отличала научная щедрость, и она радовалась, что ее материал оказывался полезным другим исследователям.

Людмила Михайловна стремилась издать грамоты, как можно лучше соблюдая существующие правила издания исторических документов. Ей хотелось дать подробные комментарии, снабдить эти комментарии необходимыми иллюстрациями. Вот почему в годы подготовки книги она оставалась частым посетителем ЦГАДА. Именно в этот период она впервые привела меня в ЦГАДА, где я познакомилась по ее подсказке с переписной книгой церковной и церковных угодий Домантова городища, оказавшейся очень полезной для изучения топографии Пскова. В Ленинграде она работала с Картотекой псковских говоров в ЛГУ и консультирова-

лась с одним из авторов и редакторов Псковского областного словаря О.С. Мжельской. К этому же периоду относится приезд её в Псков в начале лета 1965 г. Тогда она решила посетить ряд мест, упоминаемых в грамотах. Было важно локализовать ряд микротопонимов, названных в актах, но не отмеченных на современных картах. Кроме того, Люда успела сфотографировать эти места и, в случае удачи, хотела ввести фотографии в книгу. Эти путешествия коллеги были мне, как археологу, очень по душе. Я впервые видела историка, который вел поиск на местности. К этому времени ею был уже обработан историко-географический материал XVI-XIX вв., в том числе наиболее близкие средневековым планы и карты Генерального межевания. И она устремилась – во владения Акилины, известные по ее Духовной, районы погостов Камно и Лисьё и ряд других мест. Был конец учебного года, я не могла сопровождать ее и, если и выбиралась, то, может быть, в Камно, о землях вокруг которого у нас было немало разговоров. По остальным маршрутам псковская гостья ездила одна, лишь в самое отдаленное и труднодоступное место – Лисьё – она попросила провожатого. Наш декан отпустил для такого благого дела одного из лучших студентов – Михаила Демина. Об этих путешествиях и их результатах (они были использованы в книге) Л.М.Марасинова рассказала в журнале «Знание – сила» (1965, № 11) в статье «Лицом к лицу с древним Псковом». Приведу собственные слова автора о смысле этих поисков: *«... Часто речь идет о маленьких деревушках, уже не существующих в наше время, о речушках и горках таких небольших, что им подчас не дано и названия. Но найти их нужно, ибо тогда старинный документ становится понятнее: незнакомое, непонятное слово оказывается названием реки или местечка, определяются размеры земельных владений. А как интересно просто обойти эти старинные земли, которые делили, меняли, продавали и дарили древние псковичи...»* Значения части топонимов сохранились в памяти сельских жителей, и многие загадочные места в грамотах получили разъяснение. А встречи с псковской природой Люда вспоминала и много лет спустя.

Тогда же, в 1965 г., еще до поездки в Псков, вышла в свет ее краткая информация о находке грамот, опубликованная в журнале «История СССР» (1965, № 3).

Лето Л.М.Марасинова провела в Рыбинске, а осенью вернулась в Москву. Срок аспирантуры, заканчивавшийся 13 октября, был продлен до 13 февраля 1966 г.

Рукопись книги «Новые псковские грамоты XIV-XV вв.» уже находилась в издательстве Московского университета. В конце 1965 г. Люда писала: «С издательством все еще возжусь, и еще месяца 2-3 займет это дело...»

Но и в начале февраля 1966 г. положение оставалось неопределенным: «Я сижу в Москве без особых перспектив...» (9 февраля 1966 г.).⁶

Главными для нее в это время оставались издательские дела. Одновременно появилась возможность рассказать о грамотах популярно. Увлекательно написанная статья в журнале «Знание – сила» имела отклики, правда, не из Пскова, а из Ленинграда, Симферополя, Ташкента. И автор, вдохновленный ими, публикует в газете «Псковская правда» (1.03.1966 г.) статью «Загадки псковских грамот», в которой знакомит псковичей с проблемами изучения грамот.⁷

Обе эти статьи обнаруживают новую сторону таланта исследовательницы – умение доступно и поэтично говорить на научную тему.

В письмах начала 1966 г. она впервые формулирует темы, которые родились еще в ходе работы по грамотам и глубоко заинтересовали ее: псковские архивы (республиканский, церковные и монастырские) и пути поиска их следов. Она подробно и аргументированно констатирует современное состояние вопроса и предлагает начальную программу его решения. Эти предложения, на мой взгляд, очень интересны для специалистов и заслуживают обсуждения и опубликования.

Вернемся к книге... 12 марта 1966 г. Люда отправила мне в Псков верстку. «...Пошлю тебе верстку... Очень хочу знать твои замечания. Потом снеси ее Леониду Алексеичу, пусть он посмотрит и скажет, что нужно изменить. Я ему напишу по этому поводу письмо...» Верстка, письмо Лео-

ниду Алексеичу, его заметки по поводу книги сохранились.

В письме от 11 мая 1966 г. она пишет долгожданное: «...Книга выходит через два дня».

Позднее, в 1974 г., возвращаясь к трудностям и радостям этих лет, она писала: «У меня все же при воспоминании о Пскове какое-то нежное, тонкое ощущение, как от рассказов Паустовского. Это, видимо, происходит от соединения поэзии, природы, старины псковской и моей молодости, и нет ничего тяжелого в воспоминаниях об этом времени, хотя трудно было, но сильное и радостное увлечение всем этим перекрывало все остальное».

Книга о псковских грамотах стала заметным событием в истории России феодального периода. В рецензии В.И. Корецкого в журнале «История СССР» труд Л.М. Марасиновой оценивался как крупное научное открытие. Автор рецензии высказывал мнение о необходимости нового издания «Грамот Великого Новгорода и Пскова», куда бы вошли все обнаруженные акты.

Книга получилась очень хорошей, благодаря, в первую очередь, изданию самих актов и сопутствующих источниковедческих замечаний, и, во-вторых, предваряющего текста и следующих за ними исследовательских разделов.

Прошло почти 50 лет со времени издания книги, а она все кажется новой, как и грамоты, помещенные в ней. Эти места, названия которых сохраняются и сейчас, а другие исчезли – Ригина гора, Темша, Темесский путь, Черная река, Серж, Гостиная сторона, Луковкин крест, завлекавшие Людмилу Михайловну бродить по псковской стороне, и эти имена действующих лиц земельных сходов: то разнообразные христианские, как Осип, Минодора, Офимья, Настаха – отец, мать и две дочери, то некалендарные (Смолич, Явило, Рагцур), прочитанные впервые автором книги, стали знакомы и нам. Экзотичным кажется язык грамот, в нем много архаизмов, но и большое количество примеров слов, сохраняющихся в современных псковских говорах. Эта черта соединяет живших 500-600 лет назад с нашим временем.

Книга «Новые псковские грамоты XIV-XV вв.» была и остается актуальной со времени своего выхода до настоящего времени. Она важна для исследователей: материалы книги стали необходимы для изучения различных вопросов истории и культуры Руси и Пскова. Обращения к текстам грамот, развитие проблем, рассматривающихся Людмилой Михайловной, присутствуют в трудах ученых разных гуманитарных специальностей. Источниковедение, история социально-экономических отношений, история права, историческая география, историческая топография, дипломатика, сфрагистика – неполный перечень только исторических дисциплин, где труд Л.М. Марасиновой нашел научное применение. Для лингвистов тексты новых псковских грамот стали одним из источников при составлении словарей (например, исторической части Псковского областного словаря).

Другая область применения – образование. Знаю об этом по своему вузу. На историческом факультете Псковского педагогического института со времени выхода книги о грамотах она включается в список монографий по курсам истории России и Псковского края, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин и спецкурсам. Некоторые преподаватели лично знали Людмилу Михайловну еще со времени ее аспирантуры, как например, Софья Ивановна Колотилова. Когда приходит время рассказывать студентам об архивах, археографии, всегда вспоминаю псковскую эпопею своей подруги, историю открытия грамот – то, о чем говорить интересно всегда и по поводу чего я не раз нарушала временной регламент лекционного часа. Людмила Михайловна, конечно, знала, что книга ее историками востребована, но в письмах обычно не обсуждала эту тему. Впрочем, она писала: *«Что же Л.А. Твор(огов), сердит на меня что ли, что книгу не читает... Принцип или еще что? Я приеду к нему летом делать карты, как он и хотел...»* Мнение Леонида Алексеевича, много занимавшегося псковской письменностью, было очень важно для Люды. С версткой книги он ознакомился, но сделал лишь несколько замечаний, а написать письмо так и не смог; его мнение передавала ей я.

Может быть, также затягивалось знакомство с книгой. Но обижаться на Леонида Алексеевича не приходилось: он был немолод, много занят в Древлехранилище и сам вел домашнее хозяйство. Вероятно, у него не было сил, но признаваться он в этом не хотел. Думаю, при встрече в Пскове в 1967 г. они все же поговорили о книге.

После выхода книги настал момент отъезда Люды из Москвы, и мы стали видеться с ней реже. Местом нечастых встреч были Москва и Псков. Но оставалось большое желание делиться друг с другом. Мы переписывались, и несколько лет преимущественно о Пскове; конечно, и о Рыбинске, о том, как растут дочери...

У меня сохранилось около ста писем Людмилы Михайловны, относящихся к 1965-1998 гг. Я привыкла к этим листам, где ясным, слегка «лежащим» почерком, не нарушая строки, моя подруга на двух сторонах листа могла написать лаконично о многом. Но есть и несколько длинных писем и, конечно, открытки. Сейчас я вернулась к этим письмам – боялась забыть важное и вновь пережила то, что нас волновало. Очевидно, что я не смогу охватить всех тем и не думаю говорить о сугубо личном. В общем, в письмах, особенно 60-80-х гг., – хроника нашей жизни, научных интересов, конечно, с большими купюрами, когда в переписке были перерывы.

Кратко остановлюсь только на теме Пскова, которая долго оставалась ведущей в нашей переписке. И понятно, почему. Псков был предметом научных занятий Люды и городом, который она полюбила; изучая его, она впервые, и блестяще, реализовалась как историк. Землякам Людмилы Михайловны хорошо известно, что большую часть своей жизни она посвятила Рыбинску. Об этом мало знают в Пскове. Не знаю, известно ли, что прощание с Псковом было нескорым и далось ей нелегко.

В 1966 г., дождавшись выхода книги, она уехала в Рыбинск, где ее очень ждали родители и маленькая дочь. А осенью предстояла защита диссертации. В октябре Люда сообщила о переносе ее на 15 ноября. Одновременно она отвечала на предложение работать в Пскове, очевидно, переданное мной в предыдущем письме, что дело это,

«конечно, очень проблематическое» и вернуться к этой теме можно при поездке в Псков в следующем году. Здесь же она вспоминала, что когда-то «ходила вместе с Л.А. Твор(оговым) по его делам в обком, и они меня там очень звали».

15 ноября 1966 г. в МГУ состоялась защита диссертации. Совет собрался в кабинете декана исторического факультета в старом здании на улице Герцена. Успех был полным. Кажется, было несколько вопросов. Одним из оппонентов была Н.Н. Масленникова, из всех присутствующих помню только ее и Люду. Конечно, там были и А.М. Сахаров и В.Л. Янин. Спустя 5 лет моя подруга сочувствовала мне на моей защите, приехав из Рыбинска.

И в октябре, и в ноябре 1966 г. Л.М.Марасинова уже планировала поездку в Псков в 1967 г.; в письмах конца 1966 – первой половины 1967 гг. отразились занимавшие ее в это время проблемы. Оставаясь в Москве некоторое время после защиты, она смогла поговорить с Н.Н. Ворониным о возможностях архитектурного исследования Троицкого собора под его руководством. Николай Николаевич согласился с тем, что архитектурно-археологическое изучение собора нужно, но отказался участвовать в нем, т.к. был занят в Смоленске. Обращение к Н.Н. Воронину, одному из давних исследователей собора, было частью программы поисков остатков республиканского архива Пскова, с инициативой которых собирался выступить журнал «Знание – сила».

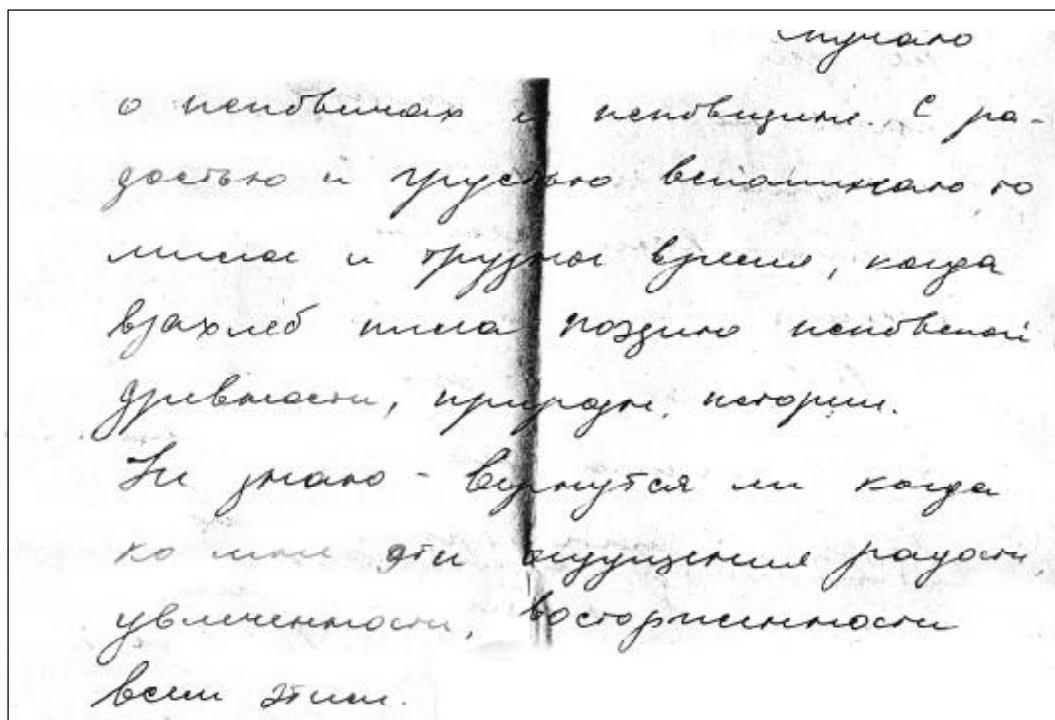
В конце 1966 или начале 1967 гг. Люда писала: «Инга, дорогая! Тебе интересно, конечно, что со мной «сталось»... Буду работать пока что в нашем Рыбинском институте... С Псковом мой «роман», конечно же, не кончился и не кончится, т.к. я фанатичная патриотка этой темы. Сейчас понемногу буду работать дальше...» Далее в письме – о желании «получше посмотреть» республику с точки зрения социально-экономической и привлечь для этого археологические данные: «будь добра – напиши вкратце – что такое псковская археология сегодня...». «Если меня не подведет здоровье, с будущего года я уже наверняка стану постоянным членом вашей экспедиции. А ты чем заня-

та? Я в общем-то свободна, т.е. могу заниматься Псковом с любой точки зрения. Давай придумаем что-нибудь общее. Конечно, это трудно на расстоянии. Но какой-то срок нужен каждому для самостоятельной работы. А летом мы встретимся уже не с пустыми руками. У меня есть, конечно, мечта написать и популярную книжку о Пскове для широкого читателя, и красивую, с разными картинками... Я с удовольствием подстроюсь под твой интерес. А объединение наше, по-моему, будет интересно и тебе, и мне. Так что предлагай и пиши».

Не помню, как я ответила на это предложение, знаю, что едва ли могла обнадежить подругу согласием, т.к. всего 1,5 года работала в институте, объем нагрузки был большой, и курсы – разные. Кроме того, предстояло написать диссертацию. Поэтому обходились малыми формами сотрудничества.

Все весенние письма были полны летними планами на приезд в Псков, участие в экспедиции, возможную поездку на реку Вяду, очень нас привлекавшую своей мельницей в бывших владениях Акилины. Люда очень скучала о Пскове, хотела попасть на Псковскую конференцию, посвященную Ледовому побоищу. Приезд не осуществился из-за учебных занятий. В это же время она активно взялась за подготовку карт Псковской земли и расписывала писцовые книги XVI в. Картографическая работа растянулась на годы. Людмила Михайловна готовила карты, в т.ч. XIV-XV вв., для Атласа России, составлявшегося в секторе исторической географии Института истории. Работа была объемной, кропотливой. В феврале 1969 г.: «Я все возжусь с картами – медленно-премедленно...» В одном из последних писем в декабре 1998 г. она писала: «Недавно разобрала свои бумаги и наткнулась на некоторые старые псковские бумаги: карта, копии грамот XVI в. Может быть, тебе прислать, вдруг кому-нибудь пригодятся». Эти бумаги, по-видимому, в Рыбинске. Очень важно их сохранить.

Лето 1967 г. было началом знакомства Л.М.Марасиновой с псковской полевой археологией. В годы, когда она училась в МГУ, историки еще не проходили археологическую практику, и на раскопках все было Люде

внове. Она очень помогла мне. В том году я впервые копала в Пскове самостоятельно, квалифицированных помощников не было. Мы работали в Окольном городе, вблизи от Петровских ворот Среднего города, на территории Нового торго XVI-XVII вв. Ближе к центру города, во дворе педагогического института, одновременно пришлось вести срочные археологические работы в связи с прокладкой теплоцентрали. В траншее обнаружился нетронутый культурный слой, остатки деревянных сооружений. И Люда была «брошена» на этот участок. В археологическом дневнике сохранились ее карандашные записи – знакомый почерк на листах в клеточку.

Одновременно Люда работала в архиве Псковской области по своей программе и заодно искала для экспедиции данные об участке раскопок в поздних источниках. Некоторые сведения, в частности об исчезнувшем сейчас ручье Зрочка, найденные ею в одном из дел фонда канцелярии псковского губернатора, оказались полезными для понимания топографии участка.

Первое обращение к археологии Пскова имело продолжение. Люда очень хотела приехать в экспедицию 1968 г., интересовалась окончательным результатом сезона 1967 г.:

...Мне бы так хотелось сесть с тобой за всякое гадание о топографии по результатам экспедиции...»; «...Прислала бы ты мне экземплярчик отчета – я бы его поизучала...». «Псков, - писала она в январе 1968 г., - особенно в силу своей недоступности, приобретает теперь особенно светлый и поэтический ореол, не утерплю и летом явлюсь туда. И надеюсь, что лето ты, конечно, будешь в Пскове». Было уже найдено пристанище (она хотела иметь такое место, где можно было бы всегда остановиться в будущем), но приехать в силу разных обстоятельств тогда не удалось.

В 1969 г. сборы в Псков окончились успешно. Еще в феврале она начала подготовку к лету: «Я подала прошение в ректорат на один месяц командировки для экспедиции. Значит, думаю быть в Пскове часть июля и августа. Используй меня по своему усмотрению. Раскоп для меня ужас как интересен. У меня слюнки аж текут. И мои слои ведь пойдут. Прелесть!» Ближе к сезону: «...собираюсь к вам на август... Можешь располагать там мною процентов на 50, т.к. висят надо мной еще и карты...». В сезон 1969 г. на раскопе у педагогического института изучались отложения конца XII-XV вв. Люда была начальником участка: вела

дневник, описывала слои и сооружения, фиксировала находки. Помню, что когда-то тогда она заметила, что путь археолога от поиска источника до исторической интерпретации длиннее пути историка.

Позднее она не могла приезжать в Псков на раскопки, но всегда ждала археологических новостей и откликалась на них в письмах, радовалась находкам берестяных грамот. О грамоте 4 (про «двой сапоги»): «Я так рада за тебя, за Псков. Поздравляю от всей души. Как хорошо лягут эти грамоты на все другие источники и так будут многое прояснять. Я уверена, что это только начало...» (1978).

Со временем, с конца 60-х гг. археологические сюжеты писем из Рыбинска приобрели дополнительную географическую привязку. На рубеже 60-70-х гг. она сетует: «...В Рыбинске нет ни одного археолога...» И там же: «...Я потихоньку переделываюсь в археолога...» Люда просит совета, что делать с разрушающимся около Рыбинска курганом, кто может раскопать его, куда обратиться, куда деть обнаруженные вещи.

С 1977 по 1983 гг. в письмах постоянно упоминаются археологические работы с участием Ярославского университета в Рыбинске и его окрестностях, в которых принимали участие и рыбинские студенты.

Конец 60-х гг. был нелегким для Люды. Еще в 1965 г. она перенесла тяжелую, с осложнениями, ангину. Она не любила жаловаться, но вынуждена была признавать: «...Здоровья и выносливости у меня – ни на грош. Просидевши неделю в историчке, я выдохлась и должна уехать» (сентябрь 1967 г.). Кризисное состояние конца 60-х гг. было вызвано, судя по письмам, не только физическим нездоровьем, но и необходимостью выбора научных занятий. Выбор был очевиден, заниматься надо было Псковом, но в отрыве от Пскова и Москвы это оказывалось нереальным. Так же нереальным было – оставить Рыбинск. «Я сейчас на перепутье, и, вероятно, придется отказаться от многого, чем я занималась раньше» (сентябрь 1967 г.). «Так работать над Псковом, как хотелось бы, не удастся... может и придумаю что-нибудь в будущем...» (январь 1968 г.). «Одно время хотела вообще покончить с

феодализмом, но видно это выше меня. И сейчас снова начинаю возиться с картой... От Морозкиной⁸ получила реферат... Видишь, всеми силами стараются удержать меня в феодальном мире. И я ему очень благодарна. Дружба у меня с ним очень хороша...» (август 1970 г.).

В 1971 г. по семейным обстоятельствам она готовится переехать в Москву и пишет: «Думаю о будущей работе, хотелось бы в МГУ или Институте истории, но не знаю, что из этого выйдет. Знаю только одно, что милый мой Псков переживет вторую мою влюбленность в него. Я просто с замиранием сердца боюсь серьезно в это поверить, мечтаю, как мы с тобой парочкой пойдем в милую нашу феодализм...» (январь 1971 г.).

В 1971-1973 гг. Л.М.Марасинова работала на историческом факультете МГУ старшим научным сотрудником Лаборатории истории русской культуры. Как и хотела, она вернулась к темам, связанным с периодом феодализма, и включилась в подготовку очередных томов «Очерков русской культуры», готовила разделы, посвященные торговле и путям и средствам передвижения в XVI и XVII вв. Она старалась привлечь при написании текста и псковский материал, в частности, подробно изучала словарь-разговорник Тонни Фенне и материалы о псковском Торге. В это же время мы обсуждали в письмах вопрос о возможности совместного написания «Очерков культуры и быта Пскова».

В эти годы мы виделись с Людой в Москве – во всяком случае раз – точно. Я была у нее дома, тогда она чувствовала себя неплохо, была улыбочива. Кажется, она была довольна возможностью жить и работать в Москве. Но дочь оставалась с бабушкой и дедушкой, Люда скучала о ней.

В 1972 г., летом и осенью, она чувствовала себя плохо, поднималось давление. Писем первого полугодия 1973 г. я не нашла, но, судя по письму Люды, присланному в Псков в начале августа, они были. По-видимому, она очень долго и сильно болела. «Я уже давно работаю, хотя и через силу все время... Условия в Рыбинске для меня намного легче, чем в Москве. На работу хожу пешком по набережной Волги 10 минут.

Это очень много для меня значит...» Так Люда навсегда вернулась в Рыбинск.

Мы продолжали с ней переписываться. Своих писем я не помню, надеюсь, я не очень досаждала ей псковскими темами. Она по традиции спрашивала: *«Что раскол? Интересно было? Довольна ли ты?»* И продолжала: *«Знаешь, я так уже далеко отошла от этого теперь. Вся моя умственная работа сосредоточена вокруг историко-партийных дел: лекции, работа со студентами, краеведение, опять-таки в современном плане. На другое нет сил и времени...»* (11.10.73).

Я понимала ее. Лишь бы она была здорова! И Люда, набираясь сил, возвратилась к истории. *«Собираю со студентами, - писала она в мае 1974 г., - материал по истории Рыбинска...»* Так началась работа по подготовке издания сборника документов и материалов по истории города, вышедшего из печати в 1977 г. Этот сборник стал первым крупным вкладом Людмилы Михайловны Марасиновой, одного из двух составителей сборника, в изучение родного Рыбинска. Она вложила в подготовку сборника много сил и желания, старалась *«объединить всех историков в городе для этой работы»* (15.01.75). Значит, Люда ожила! Да и как могло быть иначе, ведь она была прирожденным историком. Листая страницы сборника, составленного преимущественно из архивных материалов, я вспоминаю любовь ее к Архиву и блестящее умение ориентироваться в архивных материалах, приобретенное в предшествующие годы при работе в разных архивах, в первую очередь в ЦГАДА.

Думаю, Архив и его возможности и на этом этапе ее жизни поддержали дорогую мою коллегу. И она понимала, что, оставив Псков, историю покинуть не может: *«...и история все равно моя судьба, любовь и смысл жизни»* (март 1978 г.).

Коллеги и друзья, знавшие Людмилу Михайловну по жизни и трудам в Рыбинске, рассказывают о том, какой они помнят ее, гораздо подробнее, чем могу сказать я. Тема Рыбинска в письмах Люды несомненно тоже заслуживает внимания.

Но мои нынешние воспоминания – о псковской теме моей подруги. Эта тема не ушла из наших писем в 70-90-е гг., хотя, ко-

нечно, не оставалась единственной. Остановлюсь на некоторых сюжетах нашей переписки.

Как бы Люда ни дистанцировалась от Пскова, она оставалась среди историков феодальной Руси и была авторитетным специалистом по псковским актам и истории псковского землевладения XIV-XV вв. Да и срок ли это – 10-20 лет – для серьезной книги, да еще содержащей публикацию новых актов? Ведь больше подобных находок не было, кроме вышедшей вскоре после книги публикации В.И. Корецкого, обнаружившего новый, более полный список грамоты № 12.⁹

Л.М. Марасинову часто приглашали на конференции и научные заседания, но с середины 70-х гг. она очень редко и с большими сомнениями соглашалась участвовать в таких мероприятиях. Ее объяснения по этому поводу мне были известны из бесед, для точности приведу выдержки из писем.

В 1975 г. она писала: *«Наталья Николаевна (Масленникова)¹⁰ прислала мне письмо с предложением выслать тезисы на конференцию осенью. Что я и сделала. Но у меня большие сомнения в нужности и качественности моего материала. Я тебя прошу поэтому посмотреть его и, если он не подходит, то исключить... А приехать осенью в Псков я, видимо, смогу, т.к. буду в Ленинграде... Так я хочу всех повидать и побывать в Пскове – просто ужас. А выступать не очень хочется. Нет подходящего материала для этого...»* (май 1975 г.). С моей точки зрения, материал был добротный и стоящий (кажется, по разговорнику Тонни Фенне). Конференция в Пскове отложилась на год, но Людмила, к своему удовлетворению, в ней не участвовала, т.к. не хотела ехать *«с пустом, стыдно»*.

Она спокойно относилась к тому, что грамоты продолжают изучать другие исследователи. Из письма 1976 г.: *«Ю.Г. Алексеев¹¹ взялся за мои грамоты, пишет статьи о них. Он чувствует некоторую неловкость передо мной, которая меня удивляет. Я люблю и благоговею перед Псковом и на своем теперешнем дилетантском уровне не хочу за это братья. Тем более, что грамоты мои найдены для людей, и я рада, что их не забывают»*.

Илья, голубчик!

Не удивляйся, если получишь письмо
 из Иск-га истории от Богаренко Якова
 Евлевича. Это секретарь исторической
 комиссии. Они делают атлас России
 исторический. Я ему проговаривал,
 что в Искобе такая работа по
 картам. Я думаю, что очень успе-
 шительно работать и тебе удастся в
 этом деле. Найми мне, пока-
 жись, поработай, что бы сделать
 за атлас. Но конечно при условии
 ты составляешь карту XVII в. Это еще
 делается за карты и кто их знает
 и как. Я также бы с большим
 удовольствием принимал участие в
 этом деле. Все-что в этом деле на-
 правлении делал Ленинградом
 (под руководством Майоро). Но кто
 знает и как знает и что я не
 знаю. Я еще найми Н.Н. Мамон-
 товский, но конечно я знаю —
 карты не входят в ее состав.

«Мне, конечно, приятно, что грамоты не забыты. Но ты, наверное, поймешь, что в этой приятности много неловкости и горечи». Она не считала себя вправе обсуждать псковские темы, не занимаясь ими, как когда-то, полно и глубоко. Это была не так часто встречающаяся благородная позиция, отражающая глубочайшее уважение к Пскову, достоинство и научную честность, присущие Л.М.Марасиновой.

В 1978 г., в целом благополучном для Люды с точки зрения здоровья, мы едва успевали считать утраты. В феврале скончался мой учитель, Артемий Владимирович Арциховский, основатель Новгородской археологической экспедиции и – с начала образования кафедры археологии – бессменный ее заведующий. Вернувшись из Москвы с похорон, написала в Рыбинск. Люда пишет в ответ: *«Получила твое грустное письмо. Я очень тебя понимаю. Артемий Владимирович не был моим учителем, но я всегда считала себя многим обязанным именно ему. В прошлом году умер Черепнин. Я его очень любила, переживала, видимо, что-то похожее. С этими людьми уходит целая эпоха...»* (11.03.78).

Через месяц уже она сообщала о неожиданной смерти своего научного руководителя: *«Инга, дорогая!.. Такие утраты, нет сил это переносить... Черепнин, Арциховский. Теперь Сахаров – 54 года. Это непостижимо и страшно. Я ехала на юбилей кафедры феодализма. Ей 25 лет. Я 24 года у Анатолия Михайловича. С первого семинара в университете до сего дня. Ехала, чтобы поблагодарить его и кафедру за все. Он умер за два дня до этого. Внезапно. Ночью. Я его первая ученица...»*

Летом 1978 г. скончался любимый и ценимый нами обоими Леонид Алексеевич Творогов. Люда пишет: *«Дорогая Инга! Как много у нас за это время утрат. Мне грустно и больно, что ушел из жизни Леонид Алексеевич. Много нежное и необычное и романтическое из моей псковской биографии связано именно с ним. Вообще все это время я вспоминаю как что-то очень необыкновенное, поэтичное и почти сказочное. Возможно потому, что это уже прошло. Как трагично, что он умер один. Все-таки одиночество*

это страшная вещь. Все эти утраты последнего времени тем страшнее, что они абсолютно невозможны. Думаю, что Псков потерял человека, подобного которому у вас уже не будет...»

Последний раз Л.М.Марасинова побывала в Пскове в 1982 г., после перерыва в 12 с лишним лет. Несколько раз она собиралась к нам (в 1976, 1980, 1981 гг.) на конференции, хотела привезти дочь Лену в Псков, Пушкинские Горы, но все не получалось. В 1980 г., после нескольких лет, относительно спокойных в отношении здоровья и активной работы, она вновь почувствовала себя плохо и писала: *«Грустно, что в Псков приехать вряд ли удастся...»* (8.11.80). Весной 1981 г. ей стало лучше, и осенью она на 5 месяцев поехала в Ленинград: *«...надеюсь приехать в Псков, т.к. там почти рядом...»* (20.04.81). Однако и тогда ничего не вышло. Поэтому почти чудом стал приезд Люды в 1982 г.

В феврале 1982 г., с 22 по 24 февраля, в Псковском музее проходили заседания научного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли». Семинар начал работать с 1980 г., и в феврале 1982 г. было его 7-е заседание (в октябре 2003 г. проходило 50-е). Семинаром бессменно руководил Валентин Васильевич Седов, археолог-славист, заведующий отделом ИА РАН, академик РАН. В заседаниях 7-го семинара принимали участие археологи и историки из Пскова, Ленинграда, Новгорода, Твери, Киева, Минска, Риги, Таллина, так что у Люды была неплохая возможность ознакомиться с проблематикой, узнать археологические и исторические новости. Судя по протоколам, она была на трех заседаниях из пяти и уехала 23 февраля. Доклад она не заявляла, но с интересом слушала коллег, задавала вопросы по докладам К.М. Плоткина о проекте экспозиции дореволюционного периода в Псковском музее-заповеднике и С.В. Белецкого о княжеской власти в Пскове (по материалам сфрагистики). Сейчас смотрю на программу того 7-го заседания – в ней много достойных докладов, которые могли заинтересовать Люду.

Она была у нас дома, и мы успели поговорить. Нам не надо было многое объяснять, мы понимали друг друга.

Она очень прагматично смотрела на многие текущие, сиюминутные вопросы, просчитывая будущее. Оставаясь той же, она стала мудрее – наверное из-за возраста и из-за необходимости в выпавших ей испытаниях выбирать главное. Мы меньше смеялись; а я ведь на всю жизнь запомнила ее заразительный, непохожий на других смех. При наших коротких встречах после аспирантуры мы говорили больше о своих делах, Пскове и Рыбинске, дочерях, и я мало знала, что жизнь Люды в Рыбинске складывалась очень разнообразно. Так, кажется, только в свой приезд в 1982 г. она рассказала мне, что участвует как ведущая в концертах камерной музыки... О её поэтических наклонностях я узнала где-то в 1979 г. по присланному стихотворению о Таллине, где она побывала. Позднее, уже в 90-х гг., я познакомилась с ее поэмой о Рыбинске.

Вскоре по возвращении из Пскова Люда писала: «От поездки у меня самые хорошие впечатления. Эпиграф к ней: «...И то же в вас (в Пскове, тебе, Вите и других) очарованье, и та ж в душе моей любовь». Все воспоминания радостные и значительные нахлынули. Все, что связано с Псковом, дорого, значительно и приятно мне бесконечно» (8.03.82).

Почти весь 1982 г., начиная с весны, подруга прохворала: «Год этот с марта прошел как во сне. Дай бог, чтобы следующий был легче» (конец 1982 г.). «Сейчас мне не то чтобы много лучше, но я привыкаю к такой жизни: с диетами, режимом, лечением и пр.» (17.01.83).

Из Пскова посылали Люде приглашения на заседания семинара в 1983 г. (их было три), она благодарила, но выехать не могла. Да и вообще не ездила никуда, даже в Ярославль.

В 1984-85 гг. письма из Рыбинска приходили реже. Думаю, Люда не хотела писать из-за болезни. В конце 1985 г. я отправила ей свою книгу об исторической топографии Пскова, и к Новому году она откликнулась поздравительной открыткой. Здесь было мало о себе: «Я живу тихо, но последние два года много работала по Рыбинску... Жаль, что сил маловато, устаю». А в связи с книгой: «...Все, что связано с Псковом, тобой, грамотами, оваяно для меня романтикой и чистотой юности и чего-то истинного и дорогого».

Сейчас я знаю, что перенесла Люда в 1986 г., стало понятно, почему весь год она молчала, а тогда, получив новогоднее поздравление, занятая своими, тоже нелегкими проблемами, я не прониклась трагизмом ситуации. Она тепло поздравляла с рождением внучки и писала: «Мой хороший, я не пишу никому, даже самым близким, т.к. болею и очень серьезно и давно. А потому живу одним днем без планов и будущего... Жизнь была непростая и нелегкая, а запас прочности мал. Целую тебя и люблю очень и всех твоих» (12.01.87).

Это было первое письмо с мотивом прощания. Я не помню, тогда или позднее я просила разрешить мне писать хотя бы изредка и безответно. Радостно было узнать, что полугодовое пребывание в деревне весной-осенью 1987 г. очень благотворно сказалось на самочувствии Люды.

Пока мне не удалось отыскать у себя части ее писем, присланных в промежутке 1989-1992 гг. Письма же 1993, 1995, 1996, 1997, 1998 гг. (сохранилось пять писем) – прощальные. Прощание не явное, но подтекстом читаемое, в желании отойти от суеты, быть в тишине и покое. «Инга, ты не сердись. Я очень тебя люблю, и Псков, и все, что с этим было связано. Но хотелось мне остаться в памяти не сломленным человеком, а такой, как была или пытаюсь быть прежде... прости меня великодушно за мою отстраненность...» (13.11.93). Поехать в Рыбинск я не могла, писала редко, не ожидая ответа. Но Люда изредка отвечала. В письмах звучал тот же мотив отстраненности, но были и житейские известия и – всегда – хотя бы строчка о Пскове.

Последнее сохранившееся у меня письмо относится к 10 февраля 1998 г., и написано оно, как я обнаружила сейчас, после завершения его остроумной «Поэмы о благе». Люда благодарит за память, поздравление с Новым годом. Рассказывает о разборке старых бумаг, передает привет Н.Н. Масленниковой. Пишет о семейных делах, о внуке Диме, о том, что сама довольно часто бывает на людях и что-то делает. И все же: «...если сказать, как я живу, то почему-то в голове появились слова более всего соответствующие состоянию: растворяюсь в вечном...» И последнее в письмах обращение к Пскову: «Мои воспоминания о Пскове всегда очень светлые и добрые. Была такая свежесть чувств, ясность увлеченности... Я их берегу...»

Примечания

1. Л.М. Марасинова (10.10.1936 – 23.06.2001) – историк России периода феодализма. Главными темами исследования были русские города Псков и Рыбинск. Окончила исторический факультет (1959) и аспирантуру (1966) МГУ. Один из выдающихся исследователей средневекового Пскова, автор монографии «Новые псковские грамоты XIV-XV вв.» (1966). Почетный гражданин г. Рыбинска (1986). Похоронена на кладбище при церкви Покрова Богородицы близ Рыбинска. Подробнее см.: Марасинова Л.М. //Псковский биографический словарь. Псков. 2002. С.296; Марасинова Л.М. Загадки древних псковских грамот //Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 18. Псков, 2003. С. 9-10, 13.

Настоящий текст был подготовлен в 2002 г. для сборника воспоминаний и статей о Л.М. Марасиновой, издание которого планировалось на родине Людмилы Михайловны в г. Рыбинске, но пока не осуществилось. В текст внесены некоторые уточнения и дополнения.

2. *Марасинова Л.М.* Новые документы по истории Псковской феодальной республики XIV-XV вв. // История СССР, 1965. № 3. С. 242-243; *Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV-XV вв. Изд. Московского университета, 1966. С. 13.

3. А.Н. Насонов – историк и источниковед, подготовивший к изданию псковские летописи; Б.Б. Кафенгауз – историк, автор нескольких исследований о Пскове; О.С. Мжельская – лингвист.

4. Л.А. Творогов – заведующий Древлехранилищем Псковского музея, историк псковской письменности.

5. В.Л. Янин – археолог, историк, специалист в области вспомогательных исторических дисциплин.

6. Письма Л.М. Марасиновой, упоминаемые и цитируемые здесь, находятся в личном архиве автора. Даты писем, за редким исключением, приводятся по почтовому штемпелю места отправления.

7. Современное воспроизведение статьи – см.: Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2003. № 8. С. 10-12.

8. Морозкина Елена Николаевна – искусствовед, историк псковской архитектуры. Л.М. Марасинова познакомилась с ней у Л.А. Творогова, в Древлехранилище Псковского музея.

9. Корецкий В.И. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты 14-15 вв. //Археографический ежегодник за 1967 г. – М., 1969. – С. 283-284.

10. Н.Н. Масленникова – историк Руси периода феодализма, специалист по истории Пскова и аграрной истории.

11. Ю.Г. Алексеев – историк Руси периода феодализма, исследователь Псковской Судной грамоты.